

Предмет раздора

Вечер памяти Галины Улановой не обошелся без скандала

Независимая газ. - 2003 - 24 марта - с. 8.

Майя Крылова

Через пять лет после смерти Галины Улановой на сцене Новой оперы состоялся концерт в ее честь. Среди спонсоров числился фонд «Триумф». Зрителей ожидали подарки – бесплатные программки в начале, даровое шампанское в конце, выставка работ фотографа Михаила Логвинова в фойе (Уланова-педагог на репетициях). Но адрес концерта многим показался странным: для москвичей имя балерины так же неразрывно связано с Большим театром, как для питерцев ее танец неотделим от Кировского (Мариинского) театра. Сидевшая рядом со мной женщина опоздала к началу, потому что невнимательно взглянула на билет: ей казалось абсолютно естественным, что поминать Уланову – значит идти на Театральную площадь. Апофеоз зрительского гнева наступил в финале, когда сказать пару красивых слов вышел Михаил Швыдкой. Не успел министр культуры выразить радость оттого, что «чествуют великого художника», как из зала понеслись крики «Надо было проводить в Большом театре!» и «Позор!». Сбитый с мысли оратор ответил дивной фразой «Это не парламент, здесь собрались, я надеюсь, интеллигентные люди» и нервно подтвердил, что «место Улановой в Большом театре».

Недовольные в зале, видимо, не знали, что Фонд Улановой вообще не просил Большой предоставить сцену для этого концерта. На пресс-конференции глава Фонда Улановой Владимир Васильев сказал, что ему было неудобно обращаться в ГАБТ после того, как он получил письмо с уведомлением: театр выходит из состава учредителей фонда. А у руководства ГАБТа были свои причины для столь непопулярного решения: в театре возникла фобия на любые организации такого рода, пусть и декларирующие благие намерения, от недобросовестности существовавшего во времена директорства Васильева Фонда друзей Большого театра. (Подробности см. в «НП»

Литовская балерина Эгле Шпокайте – великолепная Джульетта.

Фото Михаила Логвинова

от 12 марта.) И ГАБТ лишь откликнулся на призыв Васильева в эти дни посвятить балерине балет, дав в ее честь «Дочь фараона».

Концерт омрачили не одни лишь раздоры вокруг имени Улановой. Подкачало собственно балетное наполнение. Васильев, режиссер вечера, решил показать фрагменты спектаклей, прежде всего тех, в которых танцевала Галина Сергеевна. Были приглашены артисты Большого и Мариинки, Имперского русского балета (все согласились выступить без гонорара). Гвоздем программы задумывались отрывки из «Ромео и Джульетты» в васильевской постановке. Режиссерский прием тут – расположение оркестра (спинами к зрителям) на сцене, и без того небольшой. Оркестровую яму заложили покрытием, явно не приспособленным для танцев: иначе невозможно объяснить, почему каж-

дый второй участник концерта (если он не был просто скучен) или спотыкался, или мазал в технике. Но и прикрытые дырки для оркестра не спасло положения: толпа виллис из «Жизели» в коллективном арабеске упиралась ногами в спину оркестрантам, а лебеди из «Лебединого озера» только что не били «крыльями» друг друга. Повезло лишь Нине Ананиашвили, получившей бурные аплодисменты: она танцевала «Умирающего лебедя» на «малой сцене» – верхнем подиуме, проложенном поверх головы дирижера.

Впрочем, слово «толпа» следует заменить на «кучка». Отбросив аксиому профессии (хореография есть обдуманый рисунок танцем по пространству, и совсем не случайно хореографы создают этот рисунок с тем, а не иным количеством танцовщиц), Васильев урезал кордебалет до минимума. В результате не

только от «Жизели» и «Лебединого», но и от великолепия «Вальса цветов» из «Спящей красавицы» остались лишь воспоминания. Странно, что размер сцены не навел организаторам простую мысль: ради памяти Улановой не корезить классические балеты. А программу составить из камерных сцен и дуэтов.

...Во всех спящих красавицах этого вечера (и в аналогичных красавцах) зрители искали хотя бы подобие артистического масштаба, благодаря которому Уланова стала тем, кем стала. Танец литовской балерины Эгле Шпокайте примирил со всеми недостатками. Даже тертые калачи балетной критики, не говоря уже о балетоманах, вытирали слезы, когда под музыку Прокофьева ее Джульетта немисливо пронзительно любила и умирала, не подражая никому, но очень талантливо напоминая об Улановой.